

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА *

В. В. Каргалов

10. Последствия нашествия

Страшен был «Батыев погром». Неисчислимые жертвы и разрушения принес он Руси и навсегда остался в памяти народной как «черная година», как время величайших бедствий. Но зимний поход 1237—1238 гг. на Северо-Восточную Русь явился только одним из этапов нашествия: за «Батыевым погромом» последовала серия новых монголо-татарских вторжений в русские земли, приносивших еще большие опустошения и не дававших Руси возможности ликвидировать последствия первого удара. В 1252 г. во Владимиро-Суздальскую землю вторгся ордынский «царевич» Неврюй. Его полки, перейдя вброд Клязьму и разгромив под Переяславлем-Залесским великокняжеское войско, «разошлись по всей земле и людей бесчисленное множество повели да коней и скота (в ордынский плен), и много зла сотворили». Особенно сильно пострадали от «Неврюевой рати» сельские местности. В 1273 г. монголо-татарские орды дважды «воевали Новгородские волости, подвергнув опустошению не затронутые «Батыевым погромом» города (Вологда, Бежецкий Верх и др.). Два года спустя монголо-татарская рать, возвращаясь после похода на Литву, разорила земли «около Курска». Летописец сообщал, что ордынцы «великое зло и великую пакость и досаду сотворили христианам, по волостям, по селам дворы грабя, кони и скот и имущество отнимая, и где кого встречали, то, раздев донага, отпускали». В 1278 г. «приходили татары на Рязань и много зла сотворили». В 1281—1282 гг. их рати дважды подвергали опустошительным набегам почти всю территорию Северо-Восточной Руси. Сначала войска ордынских полководцев Кавгадия и Алчедая разорили северо-восточные русские княжества «и опустошили все около Мурома, около Владимира, около Юрьева, около Суздаля, около Переяславля, около Ростова, около Твери, и до Торжка, и близ Новгорода», а затем «со многим пленом отошли в Орду». Во второй заход пришла на Русь «рать многочисленная Турантемира и Алына и многих татар», которые «много зла сотворили в Суздальской земле». В 1283 г. монголо-татары разорили земли Воргольского, Рыльского и Липецкого княжеств; двадцать дней пробыла там ордынская рать, «воюя по всему княжению». В 1285 г. «царевич из Орды» снова «приходил на Русскую землю и много зла сотворил христианам». В 1288 г. отряды завоевателей грабили рязанские, муромские и мордовские земли. Особенно опустошительной была так называемая «Дюденева рать» в 1293 году. По разрушительным последствиям летописцы сравнивали ее с «Батыевым погромом». Монголо-татарские отряды прошли от Мурома до Волока-Ламского, «города пожгли», «села и волости и монастыри повоевали», «всю землю пустой сотворили». Ордынский военачальник Дюдень «пленил градов 14», в том числе Муром, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву, Можайск, Волок, Дмитров, Углич. Множество людей было уведено в плен. В том же году монголо-татарское войско предприняло поход на Тверь и Ярославль, где началось восстание против местного князя, известного тесными связями с завоевателями, вновь огнем и мечом прошло по владимирским и переяславским землям; людей «одних посекали, а других в плен повели». В 1297 г. снова «была рать татарская, пришел Олекса Неврюй»¹. Таким образом, за каких-нибудь 20—25 лет монголо-татарские полчища 15 раз опустошали Северо-Восточную Русь, причем по меньшей мере три вторжения (1281, 1282, 1293 гг.) имели характер настоящих нашествий, принесших разорение значительной части Северо-Восточной Руси. Владимиро-суздальские земли опустошались за это время 5 раз, кня-

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1969, №№ 2, 3.

¹ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. I. М. 1962, стб. 473; т. III. СПб. 1841, стр. 64; т. VII. СПб. 1856, стр. 176, 177, 179; т. X. СПб. 1885, стр. 156, 159, 160, 166, 167, 169; т. XVIII. СПб. 1913, стр. 74, 83.

жества в южной части страны (Курск, Рязань, Муром) — 7 раз, новгородские волости — 4 раза, Тверское княжество — 2 раза. Разрушения, причиненные «Батыевым погромом» и последующими вторжениями завоевателей, были поистине страшными.

Сильно пострадали города. Так, после нашествия Батяя Переяславль-Залесский монголо-татары громили 4 раза, Муром — 3 раза, Суздаль — 3 раза, Рязань — 3 раза, Владимир — 2 раза, а его окрестности опустошались трижды. Везде, где проходили монголо-татарские орды, на месте цветущих городов оставались развалины, жители их погибли или уведены в плен. «Множество мертвых лежали, и град разорен, земля пуста, церкви пожжены», «людей избил от старца до младенца», «только дым и земля и пепел» — такими словами характеризовали русские летописцы состояние городов после нашествия. Эти известия полностью подтверждаются археологическими данными.

Монголо-татарские погромы привели к заметному упадку русского города. Серьезный удар был нанесен ремесленному производству — основе городской культуры в связи с гибелью ремесленного населения и выводом ремесленников в ордынский плен; некоторые мастера навсегда уносили с собой свои секреты. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что в условиях феодализма, когда сношения между отдельными землями ограничивались простым соседством, каждое изобретение в области производства приходилось делать заново в каждой отдельной местности, и было «достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала»². Не удивительно поэтому, что после монголо-татарского нашествия на Русь там исчезли многие сложные ремесла, а возрождение некоторых из них началось только спустя 150—200 лет. Навсегда было утрачено мастерство перегордчатой эмали, искусство черни и зерни, полихромной поливной строительной керамики. Целое столетие после монголо-татарского вторжения не возобновлялось в русских городах каменное строительство. В результате нашествия оказались нарушенными экономические связи городов с сельскохозяйственной округой, прекратилось массовое производство ремесленных изделий для продажи, усилился отрыв русских торговых городов от мировых торговых путей. Акад. Б. А. Рыбаков так писал о последствиях монголо-татарского нашествия для русского города: «Русь была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батяя»³. Порожденная монголо-татарским нашествием XIII столетия слабость русских средневековых городов — потенциальных центров борьбы за политическое объединение страны и будущих очагов буржуазного развития — имела крайне тяжелые последствия для исторического развития страны в целом.

Сильно пострадали от нашествия и сельские местности. Летописи буквально пестрят записями о том, что монголо-татары «села, волости и погосты пограбили», «все пусто сотворили», «что селам скот и кони и жита пограбили, высекая двери у домов», «положили всю землю пусту», «людей без числа в плен повели», «со многим племом отошли в Орду». Любое передвижение завоевателей по русским землям сопровождалось грабежами и разорением крестьян. В одной из грамот сообщалось, например, что село близ большой дороги запустело оттого, что «послы татарские тою дорогою ходили»⁴. В результате монголо-татарских погромов забрасывались пашни, деревни превращались в пустоши, оставшееся население уходило на северные и западные окраины. В Черниговском княжестве «села от того нечестивого Батыева пленения запустели и лесом поросли»⁵. В «Повести о граде Курске» говорится, что после монголо-татарского нашествия Курская земля «разорена была» и «от многих лет запустения великим лесом заросла и многим зверям обиталищем стала»⁶. Монах Пимен, проезжавший по южным землям Руси в XIV в., записал: «Было то путешествие печально и уныло, потому что была пустыня всюду, нельзя было увидеть там ничего, ни города, ни села. Пусто все было и не населено, нигде не видно было человека, только пустыня»⁷.

Запустение многих сел и деревень после монголо-татарского нашествия подтверждается материалами археологических раскопок: жизнь во многих домонгольских поселениях прекратилась. Так, из 371 домонгольского поселения, упомянутого в указателе к сборнику «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», 105 прекратили свое существование в XIII в., в период нашествия, 6 запустели на два-три столетия, и только в 46 сохранилось население (датировка остальных поселений неизвестна). Если исключить поселения в северных районах, пострадавших в меньшей степени от нашествия, то вырисовывается такая картина: 88 поселений прекратили

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 54.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 780—781.

⁴ «Акты социально-экономической истории». Т. 2. М. 1958, № 411.

⁵ ПСРЛ. Т. XV. Пггр. 1922, стр. 386.

⁶ «Повесть о граде Курске». «Календарь и памятная книга Курской губернии на 1888 г.». Курск. 1888, стр. 260.

⁷ ПСРЛ. Т. XI. СПб. 1897, стр. 96.

существование в XIII в. и только 9 поселений сохранили население после нашествия⁸. В Смоленской земле зарегистрировано археологами 89 поселений XI—XIII вв.; в XIV—XV вв. их число сократилось до 52, причем по количеству дворов они были почти вдвое меньше поселений домонгольского времени⁹. На Средней Волге, от Углича до реки Мологи, археологами обнаружено 29 домонгольских селищ и только 8 поселений, сохранившихся после нашествия. В районе Углича в 16 древнерусских селища погибли во время монголо-татарского нашествия. Повсеместное прекращение жизни в старых поселениях прослеживают археологи также в Рязанской земле (в бассейне р. Прони), на Верхней и Средней Оке, на Верхней Десне, по Сейму и Пислу, по Клязьме и в других районах Северо-Восточной Руси. Села и деревни становились меньше по размерам из-за постоянной опасности набегов монголо-татар, они переносились с открытых берегов рек в леса. И без того нелегкое положение русского крестьянина в условиях постоянной монголо-татарской опасности было поистине ужасным: в любой момент могли налететь ордынские всадники, убить, захватить в плен и увести вместе с семьей в Орду, разграбить имущество, расхитить плоды труда.

Огромные материальные ценности извлекались в виде различных ордынских «даней», что подрывало и без того ослабленную нашествием экономику страны. Завоеватели создали целую систему ограбления покоренных народов, целью которой было увековечение тяжкого иноземного ига. 14 видов ордынских «даней» и различных «тягостей» опутывали русские земли. Центральное место среди них занимала «царева дань», называемая также «дань десятинная», «ордынский выход» или просто «десятина». Дань являлась постоянным налогом, собиравшимся с городского и сельского населения в пользу монголо-татарских ханов (от дани было освобождено только духовенство). Единицей обложения при сборе стало хозяйство (в городах — дом, в сельских местностях — соха или деревня). Кроме «царевой дани» на крестьянское население в качестве постоянных «ордынских тягостей» ложились «поплужное» (с плуга), «ям» и «подводы» (дорожные повинности). Практиковались также сборы с торговой («мыт») и ремесленной («тамга») деятельности. Существовали, далее, нерегулярные, чрезвычайные налоги. К их числу относились «запросы», то есть единовременные требования монголо-татарских ханов о выплате крупных сумм сверх установленной дани на военные расходы и другие цели. Эти «запросы» были иногда настолько крупными, что буквально разоряли население. Например, в Волжской Болгарии один из «запросов» привел к тому, что жители вынуждены были продавать в рабство своих детей. Чрезвычайно обременительными были различные «дары» и «почестья» — подарки, которые отсылались в Орду или передавались на месте ханским послам. Один лишь перечень таких «почестий» свидетельствует о том, что подарки монголо-татарами требовались по каждому поводу: «помянники», «поклонное», «выходное», «памятное», «становое», «выездное» и даже «мимоезжее». В пользу хана и его родственников, а также отдельных представителей ордынской администрации собиралась особая пошлина: «царева пошлина, царицына, князей, рядцев, дороги, посла». Тяжелым бременем на крестьянское хозяйство ложился «корм», который получали монголо-татарские послы и их отряды при проезде через русские земли. Так, практиковался ханами «корм послов наших, или царя наших, или наших детей». Кроме того, завоеванные народы обязаны были по приказу хана «рать собирать, где восхочем воевать», и присылать людей на ханскую охоту — «ловитву». Все эти «ордынские тягости» перечислялись в ханских ярлыках русским митрополитам; сохранилось несколько таких ярлыков¹⁰.

В результате подобной системы ограбления из страны ежегодно выкачивались огромные суммы, попадавшие в руки монголо-татарских феодалов. Только одна «царева дань» составляла в XIV в. с Московского княжества 5 тыс. руб., с Новгородской земли — 1500 руб. серебром. По тем временам это были огромные суммы. Монголо-татарские завоеватели получали в виде дани такое большое количество серебра, что у некоторых восточных авторов сложилось впечатление о Руси как о стране серебряных рудников. Постоянная утечка серебра, основного денежного металла Руси, имела тяжелые последствия для ее хозяйства. Серебра не хватало для организации торговли, и в Северо-Восточной Руси, особенно в княжествах, подвергавшихся разгрому, наблюдался с середины XIII в. серебряный голод. Резко уменьшилось содержание серебра в гривне — денежной единице Руси. Если домонгольская серебряная гривна весила 195 граммов, то после нашествия вес ее уменьшился вдвое.

Монголо-татарское вторжение тяжело отразилось на культуре Руси: погибли многие драгоценные памятники древнерусской литературы и письменности. Библиотеки рукописных книг, обычные для домонгольской Руси, стали редкостью. Летописцы, рассказывавшие о разгроме монголо-татарами русских городов, не раз горестно отмечали, что завоеватели «книги порвали». Летописи, хронографы, «жития», поэтические повести и другие памятники древнерусской литературы дошли до наших дней

⁸ «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды» Государственного исторического музея. Вып. 32. 1956, стр. 151—183.

⁹ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 92. 1960, стр. 24—25.

¹⁰ См. «Собрание государственных грамот и договоров». Ч. 2. М. 1819, стр. 5—6, 8—10 и др.

только в редких списках, к тому же сильно испорченных малограмотными переписчиками: большинство древних рукописей погибло. Только в одном-единственном списке сохранилось величайшее произведение древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

Пришло в упадок и русское летописание, достигшее накануне нашествия Батыева своего наивысшего расцвета. Во многих крупных культурных центрах Руси, разгромленных монголо-татарами, летописание вообще прекратилось на длительный срок: в разоренной Старой Рязани, в сожженном Владимире, в Киеве, Чернигове и других городах. А составление общерусского свода было перенесено из стольного Владимира в Ростов, который меньше пострадал от нашествия. Летописи стали простой сводкой предыдущих записей, не объединенных какой-либо идеей, «политической волей» летописца, на время из них исчезли сквозные, общерусские темы¹¹. Только с нарастанием освободительной борьбы последние возрождаются уже в московском летописании. В многочисленных списках начали расходиться по Руси лучшие произведения древнерусской литературы. Такие произведения, как «Повесть временных лет», напоминали народу о временах независимости, о могучей Киевской Руси, грозной для врагов. Призывы автора «Повести» к объединению Руси, к борьбе с кочевниками по-новому зазвучали в период ига, поднимая русских людей на битвы с завоевателями. Восстановление древних культурных ценностей стало частью общей борьбы против ненавистного ига, способствовало объединению народных сил для отпора врагу.

Монголо-татарское нашествие осложнило и международное положение страны. Пользуясь ослаблением Руси после «Батыева погрома», активизировали наступление на русские границы немецкие, шведские, датские, венгерские и литовские феодалы¹². Об этом так писал Плано Карпини, проезжавший по Южной Руси в середине 40-х годов XIII столетия: «Мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю Руссии и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать». И так как большая часть людей Руссии была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление». В такой обстановке заслуживает особого восхищения подвиг князя Александра Невского, сумевшего остановить агрессию крестоносцев на новгородских рубежах¹³. Прервались из-за монголо-татарского нашествия древние торговые и культурные связи Руси с некоторыми соседними странами, так как страна была отрезана от Черного моря. Нарушены были связи с Византией, землями Закавказья и Средней Азии. Ухудшились условия торговли со странами Центральной и Западной Европы. Монголо-татарские завоеватели, разрушив города, истощив страну тяжелыми даниями, нарушив связи Руси с соседними странами, тем самым затормозили развитие товарно-денежных отношений.

Монголо-татарское нашествие привело к усилению феодального гнета и феодальной зависимости крестьянства. Города как политическая сила, способная в какой-то степени противостоять притязаниям феодалов, ослабли во время нашествия: «городской воздух» почти нигде на Руси, за некоторыми исключениями, не делал феодально зависимого человека свободным, как это было в Западной Европе. В этих условиях феодальная зависимость крестьянства развивалась в наиболее грубых, неприкрытых формах. Ряды зависимых людей быстро пополнялись за счет разоремого ордынскими ратями и даниями крестьянства. Закабалению способствовали и ордынские переписи: обязанность регулярно выплачивать дань, проходившая через руки феодалов, усиливала зависимость крестьянства и прикрепление его к земле и к личности владельца вотчины. Русские феодалы, вынужденные отдавать монголо-татарским ханам часть феодальной ренты в виде «ордынского выхода», старались возместить ее усиленной эксплуатацией собственного народа. Иноземное иго затрудняло также антифеодальную классовую борьбу, которая ограничивала притязания феодалов. В народных выступлениях того времени тесно переплетались антифеодальные и антиордынские мотивы, и такие выступления порою подавлялись совместными усилиями русских и монголо-татарских феодалов¹⁴.

В политическом плане отрицательные последствия монголо-татарского нашествия проявились прежде всего в нарушении процесса постепенной ликвидации феодальной раздробленности, признаки чего были заметны уже в первой половине XIII столетия. «Батыев погром» расшатал административный аппарат Северо-Восточной Руси, ослабил великокняжеское войско. Опустошение владимирских земель и массовое бегство населения из бассейна р. Клязьмы подорвали экономическую основу власти великих владимирских князей, а разгром городов — потенциальных союзников великокняжеской власти в борьбе за единство страны — сузил ее социальную базу. Наступила временная агония великокняжеской власти, которая была уже не

¹¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.-Л. 1947, стр. 280—281.

¹² См. В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, стр. 289—301.

¹³ «Борьба Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV веках» является темой следующего очерка, который будет помещен в журнале (Ред.).

¹⁴ Л. В. Черепнин. Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. (в период образования Русского государства). «Вестник» Московского государственного университета. Серия общественных наук, № 4, вып. 2. 1952, стр. 121.

в силах справиться с раздробленностью. Этому способствовала и политика монголо-татарских ханов, направленная на разведение сил Руси¹⁵. Иноземное завоевание законсервировало, таким образом, феодальную раздробленность страны.

11. Иго тяжкое

Полчища Батые, оставив позати разоренную Южную Русь, весной 1241 г. обрушились на страны Центральной Европы. В Польше они разграбили Люблин, Краков и другие города. Взять г. Лигницу завоевателям не удалось. В Венгрии полки Батые разбили 60-тысячное войско венгерского короля Бельи IV и опустошили значительную часть страны. Однако города Словакии Тренчин, Нитра, Крупина устояли, а их осада стоила Батыю больших потерь. Не удалось захватить завоевателям и сильно укрепленные города Чехии (Оломоуц, Брно и другие). Наступление монголо-татарских завоевателей на запад явно ослабевало: их силы были подорваны битвами в русских землях. Зимой 1241 г. монголо-татарское войско повернуло на юг и дошло до побережья Адриатического моря, где у границ Италии наступление монголо-татар окончательно выдохлось. Нашествие на Европу не удалось. Через Хорватию, Боснию, Сербию и Дунайскую Болгарию монголо-татары возвратились в половецкие степи. Хан Батый со своими кочевьями обосновался на Нижней Волге, где образовалось его государство — Золотая Орда. Ее владения занимали широкую полосу степей от Иртыша до Дуная: земли Причерноморья, Поволжья и Приуралья, Западную Сибирь, Крым и Северный Кавказ (до Дербента). Золотая Орда считалась «улусом», входившим в состав Монгольского государства, номинально подчиняясь власти великого монгольского хана, ставка которого находилась в Каракоруме. Но еще при Батые Золотая Орда фактически превратилась в самостоятельное государство, проводившее свою собственную политику по отношению к соседним странам, а при хане Берке (1255—1266 гг.), когда столица великого хана была перенесена в Пекин, Золотая Орда окончательно обособилась. Поэтому, за исключением первых лет после нашествия, в течение которых еще отмечались поездки русских князей в ставку великого хана, Русь имела дело исключительно с золотоордынскими ханами.

Монголо-татарские завоеватели эксплуатировали захваченные страны различными способами. Общий принцип монголо-татарской политики Плано Карпини передает так: «Надо знать, что они (татары) не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что... они имеют приказ от Чингис-хана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего требуют (татары) от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества». В тех странах, в которых завоеватели имели «полную власть», они «отсчитывают десять отроков и берут одного, и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю... Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, но даже и у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить... некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы одним господствовать на Земле, поэтому они выскивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают... И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство».

Какой была жизнь покоренных народов, попавших непосредственно под власть монголо-татарских ханов, какие порядки они установили в некоторых пограничных со степью русских княжествах, также видно из рассказа Плано Карпини: «В бытность нашу в Руссии был прислан туда (по-видимому, речь шла о черниговских землях, правитель которых князь Михаил был убит в ханской ставке.— В. К.) один сарацин, как говорили, из партии Куйюк-хана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного... дохорь (хорь?), и одну черную лисью

¹⁵ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М.-Л. 1940, стр. 5 и др.

шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба». Взаимоотношения монголо-татар с завоеванными, но не покорившимися им полностью народами итальянский путешественник характеризует так: монголо-татары «берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, учтиво, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предаться им». Правителям таких народов монголо-татарские ханы после признания ими зависимости от завоевателей «позволяют вернуться» в свои земли и править там под присмотром особых монгольских чиновников, «башафов», которые были известны на Руси под названием «баскаков». Конечно, жизнь таких народов была в достаточной степени тяжелой, но не так, как на землях, попавших под непосредственное управление завоевателей. «Башафов, или наместников своих, они (татары) ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то башафы возражают им, что они неверны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них... И не только государь татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий татарин проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатым. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно»¹⁶.

Северо-Восточная Русь не попала под непосредственное управление монголо-татарских завоевателей. Решающую роль в этом сыграло героическое сопротивление северо-восточных русских княжеств, оказанное полчищам Батыею, а также непрерывавшаяся борьба русского народа против установления иноземного ига. Определенное значение имело и географическое положение Северо-Восточной Руси, расположенной на северном краю золотоордынских владений, и природные условия лесной зоны, не позволявшие постоянно находиться там кочевьям завоевателей. Батый использовал в своих целях местную княжескую администрацию, не пытаясь организовать непосредственно управление монгольскими чиновниками русских земель. Поэтому, когда в 1243 г. «великий князь Ярослав поехал в татары к Батьею... Батый почтил Ярослава великою честью, и мужей его, и отпустил, сказав ему: «Ярослав! Будешь ты старшим всем князьям в Русском языке». Ярослав же возвратился в свою землю с великою честью»¹⁷. Следом за великим князем потянулись в Орду «про свою отчину» и другие князья. В 1244 г. ездили в Орду и вернулись, будучи «пожалованы», князья Владимир Константинович Угличский, Борис Васильевич Ростовский, Василий Всеволодович Ярославский. Видимо, они согласились уплачивать дань завоевателям. Однако ни ордынских данщиков, ни переписчиков в Северо-Восточной Руси еще не было. Формальное признание князьями зависимости от Золотой Орды не означало пока установления прямого иноземного ига. На Руси еще были силы, не желавшие подчиниться завоевателям. Против власти золотоордынских ханов выступали города на северо-западных и западных окраинах страны, не подвергавшиеся «Батьеву погрому»: Новгород, Псков, Смоленск, Витебск. В Южной Руси продолжал сопротивление завоевателям галицко-волинский князь Даниил Романович, который нанес монголо-татарам несколько чувствительных ударов. В этих условиях, признав формально власть Золотой Орды, великий князь Ярослав Всеволодович постарался использовать все возможности, чтобы сохранить независимость. Известно, например, что он вел даже переговоры с папством о союзе против монголо-татар. Б. Я. Рамм считает, что серия посланий папы была адресована в 1246 г. именно Ярославу Всеволодовичу. Некоторые русские князья решили вступить в соглашение с папством, рассчитывая, что «этим путем можно заручиться поддержкой для военного отражения новых татарских набегов»; переговоры зашли так далеко, что «в декабре 1245 или в самом начале 1246 г.» суздальским князем было направлено посольство в Лион¹⁸. Может быть, слухи об этих переговорах и о намерении великого князя оказать сопротивление завоевателям и послужили причиной его гибели в ставке великого монгольского хана. Великий князь Андрей Ярославович, правивший с 1249 г. во Владимире, вел себя достаточно независимо по отношению к завоевателям. За время его великого княжения в летописях не встречается упоминаний о поездках северо-восточных русских князей в Золотую Орду, о посылке туда «даров», а «дани и выходы» платились «не сполна». В начале 50-х годов Андрей Ярославович даже сделал попытку открыто выступить с оружием в руках против Золотой Орды, заручившись поддержкой Даниила Романовича Галицко-Волинского. К. Маркс специально отмечал, что «Андрей пытался противиться монголам»¹⁹. Летописцы сообщали о враждебном отношении великого князя к

¹⁶ Плано Карпини. История монгалов. М. 1957, стр. 54—57, 67.

¹⁷ ПСРЛ. Т. I, стб. 470.

¹⁸ Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М.-Л. 1959, стр. 162—164. Факт переговоров с папством, которые «могли вселить в Ярослава надежды на возможность освобождения от татарского ига», допускает и В. Т. Пашуто (см. В. Т. Пашуто. Очерки истории Галицко-Волинской Руси. М. 1950, стр. 269).

¹⁹ «Архив Маркса и Энгельса». Т. 8, стр. 145.

завоевателям и о его нежелании признать власть золотоордынских ханов. «Лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им!»²⁰ — гордо заявлял он.

Однако вооруженное выступление Андрея Ярославовича против Золотой Орды закончилось неудачей. Его не поддержала значительная часть русских феодалов, которые, сохранив в своих руках господствующее положение в стране и аппарат власти, сумели переложить на плечи народа основную тяжесть иноземного ига. В 1252 г. на непокорного Андрея Ярославовича двинулось из Орды большое карательное войско «царевича» Неврюя. Монголо-татары «под Владимиром перебрали Клязьму и пошли, таясь, к городу Переяславлю». Здесь и произошла решительная битва. «Собрав воинство свое, встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились полки, и была сеча великая». После упорного боя русские полки были побеждены. Андрей Ярославович сумел пробраться через кольцо врагов и бежал на север²¹. Эта первая попытка с оружием в руках освободиться от власти золотоордынских ханов, попытка отважная и почти безнадежная, не была, однако, бесполезной: последовательное сопротивление, нарастая, привело далее к тому, что Русь не стала одним из улусов золотоордынских ханов, на ее территории не было монголо-татарской администрации, и политический строй страны после монголо-татарского завоевания существенно не изменился.

В 50—60-е годы в Юго-Западной и Северо-Восточной Руси появились представители монголо-татарской администрации — баскаки, в обязанности которых входил присмотр за деятельностью князей, контроль за уплатой дани, выполнением повинностей и прочим. С целью обложения завоеванных народов регулярной данью монголо-татары с начала 50-х годов стали проводить общую перепись населения. В Северо-Восточной Руси завоевателям удалось ее осуществить только в 1257—1259 гг., хотя еще в 1253 г. сюда был послан из Центральной Монголии некий Бецик-Берке для «счисления» русских земель²². В 1257 г. «приехали численники, изочли всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую», — сообщает летописец. Проведение переписи вызвало резкий протест в Новгороде. Когда сюда пришла весть, что «хотят татары тамгу и десятину от Новгорода», в городе начались волнения. «Послам татарским», приехавшим туда, пришлось вернуться ни с чем: новгородский народ не пожелал сообщить «число». Это было равносильно отказу от выплаты регулярной дани. Два года спустя ордынские послы «Беркай и Кисачик и иных много» вновь приехали в Новгород за данью, и опять «был мятеж великий в Новгороде», «чернь не хотела дать число». От народного гнева стерегли ордынцев по ночам «сын посадника и все дети боярские», — читаем в летописи. С большим трудом «перемогли бояре чернь» и «явились под число, делали себе бояре легко, а меньшим (людям) зло»²³ — так заключает летописец. Новгородцы вынуждены были подчиниться. Однако благодаря восстанию они сумели добиться определенных уступок от завоевателей: в Новгороде не было ни баскаков, ни откупщиков ордынской дани — «бесермен». Впрочем, волна народного гнева смела позднее этих единственных представителей²⁴ монголо-татарской администрации и из других русских земель.

В начале 60-х годов XIII в. народные восстания против завоевателей прокатились по многим городам Северо-Восточной Руси — Ростову, Ярославлю, Суздалью, Владимиру. В 1262 г. «люди ростовские, не вытерпев насилый поганых, собрали вече и выгнали их из городов из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля, потому что откупали те бесермены дани (ордынские) и оттого великую погубу творили людям». В Суздальской летописи даже указывалось, что восставшие «изгнали поганых из всех городов, не терпя насилый»²⁵. Следующая волна восстаний привела к изгнанию ордынских баскаков. В 1289 г. восстали горожане Ростова. По сообщению летописца, «тогда было много татар в Ростове, и изгнали их вечем, и ограбили их». В 1293 г. восстание охватило Тверь, в 1327 г. оно вспыхнуло здесь с новой силой. Ордынский посол Шевкал «пошел на Русь со многими татарами и пришел в Тверь». Горожане не выдержали насилия и грабей захватчиков и «ударили во все колокола, и стали вечем, и весь народ собрался, и начали избивать татар, где кого застали, и самого Шевкала убили, и всех других». Спаслись только татарские пастухи, которые пасли коней за городом; от них и узнали в Орде о происшедшем в Твери²⁶. Городские восстания конца XIII — первой четверти XIV в. привели к ликвидации баскачества на Руси²⁷. Власть Золотой Орды передала сбор дани

²⁰ ПСРЛ. Т. X, стр. 138; т. I, стб. 473.

²¹ ПСРЛ. Т. I, стб. 473; т. X, стр. 164.

²² И а к и н ф (Бичурин). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб. 1829, стр. 319.

²³ ПСРЛ. Т. I, стб. 475; т. III, стр. 82—83.

²⁴ Подробнее см.: В. В. Каргалов. Существовала ли на Руси «военно-политическая баскаческая организация» монгольских феодалов? «История СССР», 1962, № 1.

²⁵ ПСРЛ. Т. I, стб. 476, 524.

²⁶ ПСРЛ. Т. XV, вып. I, стб. 43; т. X, стр. 194.

²⁷ А. А. Зямин. Народные восстания 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Ч. IX, № 1 1952, стр. 65.

самим русским князьям, платившим монголо-татарам так называемый «выход». В стихийных народных восстаниях ясно прослеживается сохранившаяся «в самые страшные десятилетия татарского ига, наступившие после кровавого «Батыева погрома», несгибаемая, «боевая идеология» народа, «основанная на непримиримости к захватчикам, на презрении к смерти, на готовности пожертвовать своей жизнью, лишь бы освободить страну от иноземного ига»²⁸. Народ был воителем за землю Русскую во время нашествия Батыя. Народ первым поднялся и против иноземного ига, сыграв в дальнейшем решающую роль в его свержении.

12. Русь поднимает голову

В 1263 г. по дороге из Золотой Орды умер великий князь Александр Ярославич Невский, который благодаря своей дальновидной политике сумел на десятилетие оградить Русь от новых ордынских вторжений и обеспечить ей определенную самостоятельность по отношению к монголо-татарским ханам. Он твердо проводил политику подчинения великокняжеской власти отдельных феодальных центров, направляя все силы Руси на отпор крестоносной агрессии с запада. Снова при нем возродилось былое величие стольного Владимира, столицы Северо-Восточной Руси. После смерти Александра Невского опять начались усобицы князей. Завоеватели же намеренно сеяли рознь между князьями, оказывая поддержку северо-восточному великому князю против черниговского, ростовским князьям против владимирских и натравливая местных феодалов против князей с тем, чтобы легче грабить страну. Одно за другим следовали монголо-татарские вторжения, принося страшные опустошения. Не стало центра, вокруг которого могли объединиться русские земли для отпора монголо-татарским завоевателям. Наступили самые тяжкие десятилетия иноземного ига. Русь, не оправившаяся от «Батыева погрома», раздираемая княжескими усобицами, казалось бы, должна была покорно склониться под ордынским ярмом. Но этого не произошло. Завоеватели и в это время не чувствовали себя в безопасности на Русской земле. Используя усобицы в Орде, начавшиеся после смерти хана Берке, русские дружины наносили завоевателям ощутимые удары, которые наряду со стихийными народными восстаниями расшатывали и ослабляли господство монголо-татар. Так, в Курском княжестве местные князья Олег Рильский и Святослав Липецкий разгромили «слободы» ордынского баскака Ахмата, откупщика дани. Ахмат бежал к темнику Ногаю, который привел большое войско. «Слободы» были восстановлены, но оставаться в опасном для него Курском княжестве баскак не решился. По словам летописца, он «сам не смел жить на Руси» и возвратился в Орду, оставив вместо себя двух братьев «соблюдать слободы его». Опасения Ахмата оказались обоснованными. Войско князя Святослава Липецкого снова осадило «слободы» и разгромило военный отряд баскака; «слобожане» разбежались. Напрасно Ахмат просил липецкого князя «смириться с ним». Святослав не только отказался заключить мир, но и «посла его убил». Лишь с помощью других местных феодалов ордынскому карательному войску удалось расправиться с непокорным князем²⁹.

Спустя каких-нибудь четыре десятилетия после «Батыева погрома» русские князья уже осмеливались не подчиняться ордынским ханам. Учитывая, что подобное «ослушание» происходило обычно в условиях обострения внутренней борьбы в Золотой Орде, нельзя не отметить важные для Руси последствия таких действий: они, несомненно, способствовали постепенному ослаблению власти золотоордынских ханов. Впервые такой случай произошел в 1281 г., когда сын Александра Невского великий князь Дмитрий Александрович воспротивился решению золотоордынского хана передать «ярлык» (грамоту) на великое княжение князю Андрею Александровичу. В Орду пришла весть из Руси, — сообщает летописец, — что князь великий Дмитрий Александрович собирает рать и крепит град, не хочет цареву слову покориться и сойти с великого княжения по цареву слову». Чтобы посадить князя Андрея во Владимире, ордынским военачальникам Кавгадю и Алчедаю пришлось предпринять большой карательный поход. Однако как только монголо-татарская рать возвратилась в Орду, «князь великий Дмитрий Александрович пришел в город Переяславль, и начал рать собирать, и град крепить, и отовсюду начали к нему собираться люди многие». Снова незадачливому претенденту на великокняжеский «стол» князю Андрею пришлось ехать за ордынской помощью и жаловаться хану, что князь Дмитрий «тебе, царю, повиноваться не хочет, и даней твоих тебе платить не хочет». Хан вновь послал на непокорного князя «рать многую, Турантемира и Алына и многих татар»³⁰. А в 1285 г. великий князь вступил в открытый бой с монголо-татарской ратью и победил. После установления иноземного ига это было первое большое сражение, закончившееся изгнанием отряда завоевателей за пределы русских земель.

Несколько серьезных вооруженных столкновений с ордынскими ратями произошло в первой четверти XIV века. В 1301 г. войско князя Даниила Московского раз-

²⁸ И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М. 1960, стр. 17.

²⁹ ПСРЛ. Т. X, стр. 162—165.

³⁰ Там же, стр. 160—161, 166.

громил ордынское войско, поддерживавшее рязанского князя. По сообщению летописца, «осенью князь Данило Московский ходил на Рязань ратью, и бился у города Переяславля (Рязанского), и одолел князь Данило, и много татар избил». В 1310 г. «с ратью татарскою» бился под Брянском местный князь Святослав. Он «ратью великою, в силе многой, за полдень вышел против рати татарской, и сошлись на бой, и помрачили стрелы татарские воздух, и были, как дождь, и была сеча злая». В 1315 г. с «татарами сильными», пришедшими из Орды, бился под Торжком новгородцы. Битва была упорной, и «убили новгородцев более тысячи». Два года спустя большое ордынское войско Кавгадыя пришло в Тверскую землю. Тверской князь Михаил, «собрав своих мужей, тверичей и кашинцев, пошел против татар, и сошлись оба (полка), и была сеча великая». Кавгадый, потерпев поражение, «повелел дружине своей стяги повернуть и неволей сам побежал в станы», причем тверичи «многих татар поймали и привели в Тверь»³¹. Вооруженный отпор монголо-татарам давали и в других русских землях. Суздальский и нижегородский князь Константин Васильевич, по словам летописца, «княжил 15 лет, честно и грозно оборонял вотчину свою от сильных князей и от татар»³².

С середины XIV в. распоряжения золотоордынских ханов, не подкрепленные реальной военной силой, как правило, русскими князьями не выполнялись. Князья пользовались любым осложнением в Орде, чтобы проводить самостоятельную политику. Особенно независимо вели себя по отношению к Орде усилившиеся московские князья. В 1358 г. московский князь Иван II Красный не впустил в свои земли ханского посла Момат-Хожа. Нередкими стали случаи, когда другие князья в политическом отношении больше опасались московских правителей, чем золотоордынского хана. Например, в 1360 г. «царь давал великое княжение Владимирское князю Андрею Константиновичу Суздальскому, и он по то не явился»³³. Когда же его брат Дмитрий Константинович воспользовался этим ярлыком, то удержаться в стольном Владимире не смог: московский князь Дмитрий Иванович в 1368 г. «собрал силу многую, и пошел ратью на него к Владимиру, и выгнал его из Владимира, он же бежал в Суздаль, просидев на великом княжении во Владимире всего двенадцать дней». Урок, данный Москвой неудачливому претенденту на великое княжение, не прошел даром. Когда спустя два года «царев посол» снова «принес ярлыки на княжение великое Владимирское», князь Дмитрий Константинович «не захотел и уступил великое княжение Владимирское великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому»³⁴.

А в 1371 г., когда тверской князь Михаил Александрович все же решился принять у Мамай ярлык на великое княжение и отправился с «царевым послом» на Русь, московский князь попросту «разослал на все пути заставы, хотя поймав его». Не помогло и вмешательство золотоордынского посла. Дмитрий Иванович заявил ему: «К ярлыку не иду, а князя Михаила в землю на княжение Владимирское не пушу, а тебе, послу, путь чист!» Интересно, что по возвращении в Орду этот посол даже хлопотал о передаче ярлыка на великое княжение московскому князю. В 1375 г. тверской князь опять получил тот же ярлык. Дмитрий Иванович немедленно собрал большое войско и двинулся на Тверь. Показательно, что на этот раз тверской князь вообще не рассчитывал на военную помощь из Орды, а попытался заручиться поддержкой Литвы. Когда это не удалось, он поспешил заключить мир с Москвой, отказавшись от своих притязаний на великое княжение³⁵. Система ордынского владения над Русью рушилась на глазах.

Не следует думать, что только московские князья столь независимо вели себя по отношению к Золотой Орде. Другие князья Северо-Восточной Руси тоже не раз били ордынские рати. Например, в 1365 г. рязанский князь наголову разбил войско ордынского «царевича» Тагая, который напал на Переяславль-Рязанский, сжег его, ограбил окрестные села и, захватив пленных, «с многою тягостью пошел в поле». Однако уйти с добычей ему не удалось. Князья Олег Рязанский, Владимир Пронский и Тит Козельский, собрав войско, пошли вслед и настигли неприятельские отряды «под Шишевским лесом, на Войне, и был им бой и брань лютая и сеча злая, и падали мертвые от обеих сторон». Ордынское войско было разбито, а сам «гордый ордынский князь Тагай в страхе и трепете был, видя всех своих татар избивенных, и так, рыдая и плача и лицо одирая от многой скорби, едва с малой дружиной убежал». В 1367 г. хан Булат-Темир, «собрав силу многую, пошел в землю и уезд Новгорода-Нижнего, волости и села повоевал». Русские полки нижегородского князя и его братьев разгромили войско ордынского хана, который «прибежал в Орду с малой дружиной»³⁶.

Время безнаказанных монголо-татарских разбоев на русских землях отошло в прошлое. Грабить и разорять Русь было уже небезопасно. Даже большие ордынские рати не могли пробиться в глубь страны: московский князь в 70-х годах XIV столетия сумел организовать надежную систему обороны южных границ от набегов ор-

³¹ ПСРЛ. Т. VII, стр. 183; т. X, стр. 177, 181; т. XV, стб. 408.

³² ПСРЛ. Т. X, стр. 228.

²³ Там же, стр. 230, 231.

³⁴ ПСРЛ. Т. XI, стр. 2, 5.

³⁵ Там же, стр. 13—15, 22—23.

³⁶ Там же, стр. 6, 9.

дынцев. Чтобы преградить путь монголо-татарскому войску, к рубежам Руси выходили дружины многих князей. Это было прямым следствием объединения русских земель вокруг Москвы. В 1373 г. великий князь Дмитрий Московский и Владимир Нижегородский не дали ордынской рати, громившей Рязанское княжество, опустошить свои земли. По сообщению летописца, «князь великий Дмитрий Иванович Московский, собрався со всей силой своей, стоял у реки Оки на берегу, и брат его князь Владимир Андреевич пришел к нему из Нижнего Новгорода на берег к Оке реке, и татар не пустили, и все лето там стояли». Спустя три года «князь великий Дмитрий Иванович Московский ходил ратью за Оку реку, остерегаясь рати татарской». В 1378 г. великокняжеское войско одержало блестящую победу над ордынцами на Воже. Русские полки встретили большую орду под водительством Бегича «у реки Вожи, в Рязанской земле и стали против них крепко». Когда 11 августа неприятельская конница переправилась через Вожу, князь Дмитрий Иванович со своим «большим полком» ударил на наступавших с фронта, а два других русских полка — с флангов. Ордынцы не выдержали натиска и «побежали за реку за Вожу, побросав копыя свои, и наши, вслед за ними погнавшись, били, секли, кололи и напололам рассекали, и убили их множество, а иные в реке утонули». В битве погиб и Бегич³⁷. К. Маркс высоко оценил победу русских полков на Воже. «Дмитрий Донской, — писал он, — совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими»³⁸. Победоносное сражение на Воже явилось «генеральной репетицией» знаменитой Куликовской битвы. А в целом победа на поле Куликовом была подготовлена более чем столетней борьбой Руси против монголо-татарских завоевателей. Эта преддущая борьба еще не была общерусской, однако она расшатывала ордынское владычество и постепенно вселяла в русских людей уверенность, что монголо-татарские орды можно победить.

13. На поле Куликовом

Русская летопись сохранила до наших дней «повесть полезную» о том, как «князь великий Дмитрий Иванович с братом своим двоюродным, с князем Владимиром Андреевичем и со всеми князьями русскими на Дону посрамил и прогнал... князя Мамай, и всю Орду его со всю силою их нечестивою избил». Это повесть о Куликовской битве, которая произошла в 1380 году. Летописец начинает свой рассказ с событий в Золотой Орде, которые привели к большому походу на Русь. Темник Мамай «многих царей и князей избил, и поставил себе царя по своей воле», став фактически правителем Золотой Орды. Мамаю не давали покоя лавры Батюга. К тому же его весьма беспокоило возрастающее могущество земли Русской. 150-тысячное войско Мамай включало не только монголо-татар, но и отряды черкесов, осетин, армян, некоторых народов Поволжья и даже наемный отряд генуэзцев. Мамай со всеми этими силами перешел Волгу «и пришел к устью Воронежа». Когда весть о возможном вторжении достигла Москвы, то великий князь Дмитрий Иванович стал «собирать воинства много и силу великую, соединяясь с князьями русскими и бывшими под ними князьями местными. Послал же и к брату своему к великому князю Михаилу Александровичу Тверскому, прося помощи; он же вскоре послал силу и отпустил к нему в помощь племянника своего князя Ивана Всеволодовича Холмского. Также послал к брату своему двоюродному князю Владимиру Андреевичу, и тот вскоре пришел на Москву к великому князю». Далее Дмитрий Иванович по всей земле гонцов разослал с грамотами, чтобы готовы были идти против татар и собирались все в Коломне и Москве. Посланные вперед дозорные отряды известили, что Мамай поддерживает великий князь литовский Ягайло и великий князь рязанский Олег Иванович. «К великому князю в Москву, — повествует летопись, — пришли князья Белозерские, крепкие и мужественные на брань, с воинами своими: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и Цыдонский; пришли и Андомские князья. Также пришли Ярославские князья со всеми своими силами: князь Андрей и князь Роман Прозоровские, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский, и князья Устюжские, и иные многие князья и воеводы со многими силами. Князь великий поехал к Коломне, а брата своего князя Владимира Андреевича послал Брашевскою дорогою, а Белозерские князья Болвановскою дорогою с войском их. И пришел князь великий в Коломну в субботу, месяца августа в 28 день; прежде великого князя сошлись там воеводы многие и встретили великого князя на речке на Северке. Великий князь повелел рано утром в воскресенье всем князьям и боярам и воеводам выехать в поле и установить каждому полку воеводу; и взял к себе князь великий в полк Белозерских князей с воинством их, потому что были они очень удалы и мужественны. А на правую руку поставил брата своего князя Владимира Андреевича, дав ему в полк Ярославских князей с воинством их; а на левую руку поставил князя Глеба Брянского; в передовой же полк поставил Дмитрия и Владимира Всеволодичей. Коломенскому полку был воевода Микула Васильевич, Владимирский же и Юрь-

³⁷ Там же, стр. 19, 24, 42.

³⁸ «Архив Маркса и Энгельса». Т. 8, стр. 151.

евский воевода—Тимофей Волуевич, Костромской же воевода Иван Родионович Квашня, Переяславский же воевода Андрей Сиркизович, а у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белоус, Константин Кананович, князь Федор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский.

В Коломне войско, которого, по словам летописца, «было больше 200 тысяч», перешло Оку. «И в лето 6689 (1380 г.), месяца сентября, пришел великий князь Дмитрий Иванович на место, называемое Березуй, за двадцать три поприща до Дона, и туда пришли к нему Литовские князья поклониться и служить: князь Андрей Олгердович Полоцкий с псковичами, да брат его Дмитрий Олгердович Брянский с воинством своим. Тогда же князь великий отпустил в поле под Орду Мамаеву избранного своего боярина и крепкого воеводу Семена Мелика и с ним избранных своих: Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Александрова, Петра Чирикова, и иных многих нарочитых и мужественных, чтобы встретились со стражей татарской и подали скоро весть. И двинулся с того места великий князь тихо к Дону, вести получаая, и внезапно пришли к нему двое от сторожей его, Петр Горский и Карп Александрович, и привели языка знатного от двора царева, от сановитых царевых. Тот язык поведал: «Ныне царь на Кузмине-гати, не спешит, но ожидает Олега князя Рязанского и Ягайла князя Олгердовича Литовского, а о войске, собранном Московским князем Дмитрием, не знает и встречи с ним не ждет. Через три дня будет на Дону». И спросили его о силе Мамаевой, сколько есть, он же сказал: «Многое множество есть бесчисленно». Тогда великий князь Дмитрий Иванович призвал к себе брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех князей, и воевод, и вельмож, и начал советоваться с ними: «Что сотворим? Где битву устроим против безбожных сих татар, на сей стороне Дона или на другой стороне Дона?» И тут пришло много пешего воинства, и жители, и купцы со всех земель и городов, и было страшно видеть, какое множество людей собралось, готовясь в поле против татар. И начали считать, сколько их всех, и изочли больше 400 тысяч воинства конного и пешего³⁹. И, встав, начали говорить Литовские князья Олгердовичи, князь Андрей и князь Дмитрий, братья Ягайлы Олгердовича Литовского: «Если останемся здесь, слабо будет воинство русское, если же на другую сторону Дона перейдем, то крепко и мужественно будет: все откажутся, с часу на час смерти ожидаая. Если одолеем татар, будет слава тебе и всем, если избиты будем от них, то общей смертью все вместе умрем!» И пришли вестники многие, поведали татарское нашествие. Тогда князь великий Дмитрий Иванович мужественно сказал всем: «Братья! Лучше честная смерть, чем злая жизнь. Лучше было не выходить против врага, чем прийти и, ничего не сделав, возвратиться вспять. Перейдем сегодня все за Дон и там положим головы свои!» И там повелел каждому полку строить мосты через Дон, а самим в доспехи наряжаться.

И пошли полки через Дон, перешли все и мосты за собой разрушили. Тогда же всю ночь волки были страшно, вороны и орлы всю ночь и день граяли и клекотали, ожидая грозного дня кровопролитного, как говорится: «Где будет труп, там соберутся орлы». Той ночью, на рассвете, месяца сентября в 8 день, и после восхода солнца была мгла великая по всей земле, как тьма, и до третьего часа дня, а потом начала убывать. Князь же великий отпустил брата своего из двоюродных князя Владимира Андреевича вверх по Дону в дубраву засадный полк, дав ему достойных из своего двора избранных; еще отпустил с ним известного воеводу Дмитрия Боброка Волянца. И исполнились христианские полки все, и возложили на себя доспехи, и стали на поле Куликовом, на устье Непрядвы-реки; было то поле велико и чисто...

И выступила сила татарская на холм и пошла с холма. Также и христианская сила пошла с холма и стала на поле чистом, на месте твердом. Князь великий, утвердив полки, пришел под свое знамя черное, и слез с коня своего, и снял с себя одежду свою царскую, и позвал любимца своего, которого любил больше всех, Михаила Андреевича Бренка, и повелел сесть на своего коня, и одежду царскую возложить на него, и свое великое знамя черное повелел знаменосцу над Михаилом Андреевичем Бренком возить. И повелел полкам своим выступать. И было уже 6 часов дня, когда сошлись с силой татарской, и не было места, где им расступиться, и так стали, копья наклонив, как стена против стены. И было страшно видеть две силы великие, сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть...

И начали сначала съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам князь великий сначала ездил в сторожевых полках, а затем возвратился в большой полк. И уже близко сошлись обе силы, выехал из полка татарского богатырь великий, и широту имел великую, и мужество великое, и был всем страшен, и никто не смел выйти против него. И инок Пересвет пошел против татарского богатыря Темир-Мурзы, и ударился крепко, так громко и сильно, что земля затряслась, и упали оба на землю мертвые. И уже седьмой час настал, и ступились обе силы великие на бой, и была брань крепкая и сеча злая, и лилась кровь, как вода, и падало мертвых бесчисленное множество от обеих сторон, от татарской и русской. И падало татарское тело на христианское, а христианское тело на татарское, и смешалась кровь татарская с христианскою, всюду множество мертвых лежало, и не могли ко-

³⁹ Другие летописцы определяли численность русского войска в 100—150 тыс. чел., что более соответствует действительности.

ни ступать по мертвым. Не только оружием убивали, но и под конскими ногами умирали, от тесноты великой задыхались, потому что не могло вместиться на поле Куликовом, между Доном и Мечей, такого множества сошедшихся сил. И тут пешая русская великая рать, как дерево, сломилась и, как сено скошенное, лежала, и начали татары одолевать, и уже многие из сановитых великих князей и воевод, как деревья, склонились на землю. И уже и самого великого князя Дмитрия Ивановича с коня сбили, он сел на другого коня, татары и с него князя сбили и сильно ранили; он же с трудом ушел с побоища в дубраву, и залез под недавно срубленное дерево, и тут, скрыв себя, лежал на земле. Татары же начали одолевать, и великий стяг великого князя подсекли, и наперника его любимого Михаила Андреевича Бренка убили, и многих князей, и воевод, и бояр его, и слуг бесчисленное множество избили. И уже восьмой час прошел, и девятый час настал, всюду татары одолевали.

Князь Владимир Андреевич, стоя в дубраве в засадном полку потаенно с избранным воинством и с мудрым и удалым воеводой Дмитрием Боброком Волынецем и видя погибающее христианское воинство, говорил Дмитрию Боброку: «Чем полезно стояние наше? Кому нам помочь? Уже все мертвые лежат христианские полки!» И сказал великий и мудрый воевода и удалый богатырь Дмитрий Боброк Волынец: «Беда, княже, велика! Но не время еще нам выйти на супостатов!» И уже девятый час был на исходе, и внезапно переменялся ветер, потянул сзади их. Тогда Дмитрий Боброк сказал князю Владимиру Андреевичу: «Княже, час пришел!» И тогда вышли все с яростью на неверных и противных врагов. И пришли в ужас татары, и устрашились, и воскликнули: «Увы нам, увы нам! Христиане перехитрили нас, лучших и удалых князей и воевод спрятали и на нас неутомленными приготовили. Наши же руки ослабли, колени оцепенели, плечи устали, и кони наши утомлены, и оружие наше иступилось. Кто может против них выстоять? Горе тебе, великий Мамай!» И побежали татарские полки, а христианские полки за ними погнались, били и секли. Увидев, что новые полки неутомленные христианские вышли на татар, побежал Мамай с князьями своими в малой дружине. И многие татары пали от оружия христианского воинства, а другие в реке утонули. Игнажи их до реки до Мечи, а княжеские полки гнались до станов их и захватили богатства и имущества их много.

Далее летописец повествует о поиске раненного во время Куликовской битвы великого князя Дмитрия Ивановича: «Двое из простых воинов, одному имя Федор Зов, а другому имя Федор Холопов, нашли великого князя сильно избитого, едва дышавшего, под свежесрубленным деревом, лежащего, как мертвый, и сошли с коней своих, и поклонились ему, и один быстро возвратился к князю Владимиру Андреевичу, поведал ему, что великий князь жив. Он тотчас же вскочил на коня и поскакал с оставшимися воинами (к великому князю). Князь же великий Дмитрий Иванович едва проговорил: «Кто говорит и что эти слова означают?» Ответил ему князь Владимир Андреевич: «Я брат твой, князь Владимир Андреевич!» И едва поставили его; и был доспех его весь избит и изранен, а на теле его нигде не нашли смертельной раны, а он прежде всех стал на бой и впереди с татарами много бился. И много ему говорили князья и воеводы его: «Княже, не становись впереди биться, но встань сзади, или на крыле, или где-нибудь в другом месте». Он же отвечал им: «Да как я скажу кому-нибудь: Братья, встанем крепко на врага! — а сам встану сзади и лицо свое скрою? Не могу я так сделать, чтобы таиться и скрывать себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать и прежде всех голову положить, чтобы прочие, видя мое дерзновение, так же сотворили с многим усердием». Да как сказал, так и сделал, прежде всех начал биться с татарами, да со всех сторон его обступили татары, как вода, и много по голове и по плечам и по животу его били и колоди и секли, но спасся он от смерти, только утомлен был от великой битвы почти до смерти. Был же сам он очень крепкий и мужественный, и телом велик и широк, и плечист, и тяжел собою, бородой же и волосами черен, взором удивителен. И посадили его на коня, и затрубили на конях с радостью великой. И стоял князь великий за Доном на том месте 8 дней. Тогда приказал великий князь Дмитрий Иванович: «Изочтите, братья, сколько осталось всех нас». И изочли, и сказал Михайло Андреевич, московский боярин: «Княже, осталось всех нас 40.000, а было всех больше четырехсот тысяч конной и пешей рати»...

Услышал князь Ягайло Олгердович и вся сила его, что у великого князя Дмитрия Ивановича с Мамаем бой был и великий князь одолел, а Мамай побежал, и князь Ягайло со всей силою литовского побежал назад с великою скоростью. Не видел тогда ни князя великого, ни рати его, ни оружия его, но только имени его боялся и трепетал. Тогда же Мамай с уцелевшими своими князьями убежал с Донского побоища». Он попытался, говорится в летописи, вновь собрать войско и пойти на Русскую землю, но пришла весть, что «идет на него некий царь с востока, именем Тахтамыш, из Синей Орды». Войска Мамай и Тахтамыш встретились на Калке, где Мамай потерпел поражение⁴⁰. «Царь Тахтамыш взял Орду Мамаеву, и царю его, и казну его, и улусы его, и богатство его, серебро и золото, и жемчуг, и камней много и разделил дружине своей, а сам сел на царстве Волжском... И была на Руси радость великая, но печаль еще осталась об убитых Мамаем на Дону князей, и бояр,

⁴⁰ Мамай вскоре погиб в Крыму, в г. Кафе (Феодосии), куда он бежал со своими приближенными от Тахтамыш.

и воевод, и слуг, и многого воинства, оскудела вся земля Русская воеводами и слугами и всеми воинствами»⁴¹.

Победа на Куликовом поле вписала славную страницу в русскую военную историю. Великий князь Дмитрий Иванович Донской проявил себя в подготовке и проведении этой битвы выдающимся полководцем своего времени. В условиях еще не изжитой феодальной раздробленности он смог собрать большое войско, умело сосредоточить его в стратегически выгодном пункте — городе Коломне — и скрытно, через земли враждебного Москве великого рязанского князя вывести на южные рубежи. Дмитрию Донскому удалось также предупредить объединение монголо-татарских и литовских сил и развязать битву в удобное для себя время. Место битвы было выбрано с учетом особенностей военной тактики кочевников: на Куликовом поле правый фланг русского войска был прикрыт рекой Непрядвой, а левый — рекой Смолкой и «Зеленой дубравой», что сужало мамаевы возможности наносить фланговые удары конницей. Хорошо поставленная разведка позволила Дмитрию Ивановичу задолго до битвы собрать сведения о противнике. Исход боя, как видно из источника, решил засадный полк, заранее выделенный Дмитрием Донским и спрятавшийся в «Зеленой дубраве», за левым флангом русского войска. Когда татары в жестокой схватке изрубили передовой полк, стоявший перед центром войска, и ударили на большой полк, ратники последнего, несмотря на тяжелые потери, выстояли. Мамай вынужден был двинуть свою конницу на русский левый фланг, где его подстерегал засадный полк. Внезапный удар из засады во фланг и тыл татарской коннице вызвал замешательство врага и принес победу. Сам Дмитрий Донской проявил в этой битве личную храбрость и мужество, в доспехах простого воина он бился в первых рядах русского войска.

Подвиг русского народа в Куликовской битве прославлен в поэтическом произведении древнерусской литературы — «Задонщине», написанной по свежим следам событий Софронием Рязанцем. «Задонщина» интересна прежде всего тем, что она показывает, как оценивала общественно-политическая мысль Руси того времени победу над Мамаем и какие политические идеи навевала эта победа. Это произведение пронизано мыслью о единстве Руси, о том, что именно объединение русских сил явилось главной причиной победы. Разгром войска Мамай представлен в «Задонщине» общерусским делом. Вся Русь поднялась на битву со своим давним врагом. «Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона у великого на берегу. Звонят колокола вечевые в великом Новгороде; стоят мужи новгородцы у святой Софии⁴², говоря: «Уже нам, братья, на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть». Съезхались все князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу». В «Задонщине» подчеркивается ведущая роль Москвы и московского князя в организации обороны страны: именно Москва подняла знамя борьбы, именно здесь собирается войско перед битвой. О большой победе, о том, что «Русь великая одолела Мамай на поле Куликовом», шла слава по всем соседним странам: «к Железным воротам (Дербенту), к Риму и к Кафе по морю и к Торнову (Тырново — столица Болгарии), и оттуда к Царьграду (Константинополю) на похвалу». На самой же Руси Куликовскую битву восприняли как перелом в отношениях с Ордой, как событие, радостное для всей земли Русской. Это новое настроение хорошо отразил в «Задонщине» Софоний. «И уже застонала земля Татарская, бедами и печалью покрылась. Исчезло у царей их желание и похвала на Русскую землю ходить, поникло их веселье. Уже поганые оружие свое повергли, а головы свои преклонили под мечи русские. Трубы их не трубят, умолкли голоса их!»⁴³.

14. «Возврата нет и не будет»

Тяжел был удар, нанесенный Орде на Куликовом поле. Но свергнуть ненавистное иго на этот раз Руси не удалось. Новый ордынский хан Тохтамыш немедленно направил посольство к великому князю Дмитрию Ивановичу. Он, видимо, хотел представить дело так, что Дмитрий разбил не Орду, а темника Мамай, врага самого Тохтамыша, и с приходом к власти «законного» хана должен опять признать зависимость от Золотой Орды. Дмитрий одарил посольство богатыми подарками, но от признания покорности и дани уклонился. Положение на Руси было чрезвычайно сложным. Понесло тяжелые потери войско в кровопролитной Куликовской битве. Подняли голову политические соперники великого московского князя, в первую очередь тверской князь. В этих условиях было особенно нежелательным новое ордынское вторжение. Но предотвратить его не удалось. Тохтамыш в 1382 г. двинулся на Москву. Вначале он «послал слуг своих в город, называемый Болгары», и «повелел гостей (купцов) русских грабить, а суда их с товарами отнимать и приводить к себе на перевоз». Затем, «собрав силы многие», переправился через Волгу. Князь Олег Рязанский снова перешел на сторону Орды: он «встретил царя Тахтамыша на украи-

⁴¹ ПСРЛ. Т. XI, стр. 46—69.

⁴² Новгородское вече собиралось у Софийского собора.

⁴³ «Воинские повести Древней Руси». М.-Л. 1949, стр. 34—35, 37, 40.

нах своей земли Рязанской» и «броды ему указал на Оке». Дмитрий Донской, не успев собрать войско, уехал в Кострому, а золотоордынская рать осадилась Москву. Оборону столицы взял в свои руки народ. Москвичи «во всех городских воротах с обнаженным оружием стояли, и с ворот городских метали камни, не пуская никого уйти из города». Исключение было сделано для митрополита Киприана и великой княгини. Бояр же народ заставил участвовать в обороне.

23 августа орда Тохтамыша подошла к Москве. Неприятель не решился сразу подступить к кремлевским стенам, ибо ему негде было укрыться от стрел защитников Москвы: «было около града чисто, потому что горожане сами посады свои пожгли и ни единого тына или дерева не оставили». Оказавшийся в Москве «князь Остей Литовский» возглавил оборону. Со стен на войско Тохтамыша пускали стрелы и метали камни. У москвичей были и «самострелы», издали поражавшие врагов, и даже первые русские пушки — «тюфяки». Ордынские лучники, в свою очередь, осыпали город ливнем стрел; вооруженные саблями и копьями завоеватели, приставив к стенам многочисленные лестницы, пошли на штурм. Однако «горожане, воду в котлах скипятив, лили на них кипяток», «стреляли и камнями сшибали», «и пушки пускали на них». Приступ был отбит. А «некто горожанин москвитин, суконник, именем Адам, с Фроловских ворот пустил стрелу из самострела и убил некоего из князей ордынских сына, знатного и славного, и великую печаль причинил Тахтамышу царю и всем князьям его». Три дня безрезультатно простоял Тохтамыш у стен Москвы. На четвертый день он начал переговоры с осажденными. Ордынцы убеждали москвичей: «Царь вас, своих людей и своего улуса, хочет жаловать, потому что неповинны вы, не на вас пришел царь, а на князя Дмитрия, ничего не требует от вас царь, только встретите его с честью, с легкими дарами, а вам всем мир и любовь». Москвичи поверили ханским обещаниям и открыли городские ворота. После этого монголо-татарские орды «в город ворвались, и одних иссекли, а других пленили, и церкви разграбили, и книг множество пожгли, снеженных отовсюду в осаду, и богатство, и имение, и казну княжескую взяли. Взят же был город месяца августа в 26 день, в 8 часов дня».

Разграбив Москву, Тохтамыш повелел рать своей опустошать русские земли. По словам летописца, одни татары пошли «к Переяславлю, другие Юрьев взяли, а иные Звенигород, и Можайск, и Боровск, и Рузу, и Дмитров, и волости, и села пленили. Переяславль же, взяв, сожгли, а горожане многие на озеро выехали на судах и там спаслись». Князь Михаил Александрович Тверской прислал Тохтамышу богатые дары и получил от него ярлык на княжение. Фактически это было признание зависимости от Орды. Но времена Батыя прошли. Достаточно было Тохтамышу узнать, что князь Владимир Андреевич Серпуховской встал «близ Волока со мною силою», как он тотчас начал отступление. По дороге в Орду монголо-татары взяли Коломну, а затем «повоевали Рязанскую землю» и отошли «с бесчисленным богатством и бесчисленным полоном восвоеси»⁴⁴. Дмитрий Иванович вернулся в разоренную Москву. Его положение затруднялось еще и тем, что тверской князь Михаил Александрович «пошел к Тахтамышу царю в Орду с честью и дарами, ища себе великого княжения Владимирского и Новгородского». За ним последовал в Орду и князь Борис Городецкий. Единство русских правителей перед лицом внешнего врага нарушилось, феодальная разобщенность снова на время взяла верх над общерусскими интересами. В этих условиях и Дмитрию Ивановичу пришлось послать сына своего Василия в Орду «тягаться о великом княжении Владимирском и Новгородском с великим князем Михаилом Александровичем Тверским»⁴⁵. Дмитрий Иванович остался великим князем, но ему пришлось признать зависимость от Орды. Снова в Орду потекли «дани» и «выходы», тяжким бременем ложась на плечи народа. Пришлось восстанавливать разоренную завоевателями землю, поднимать из пепелищ города и села.

Однако Куликовская битва подорвала веру в могущество Орды. Зависимость от золотоордынских ханов в представлении русских людей теперь была временной. И князья и народ поняли, что ордынцев можно победить, и ждали удобного случая, чтобы свергнуть ненавистное иго. Изменившееся отношение к Золотой Орде видно по духовным и договорным грамотам русских князей. До Куликовской битвы князья обычно составляли духовные грамоты, опасаясь возможной смерти в Орде. После 1380 г. в грамоты стали включаться пункты, предусматривавшие княжеские взаимоотношения в случае, если «переменит бог Орду», то есть если будет свергнуто монголо-татарское иго. В духовной грамоте Дмитрия Донского, составленной в 1389 г., было записано: «А переменит бог Орду, дети мои не будут давать выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть». Той же формулой пользовались и удельные князья. В договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (примерно 1401—1402 гг.) говорилось: «А переменит Орду, и мне брать дань со своей вотчины и со своего удела себе, а тебе, великому князю, не давать»⁴⁶.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XI, стр. 71—78.

⁴⁵ Там же, стр. 81, 82.

⁴⁶ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей». М.-Л. 1950, стр. 44, 49, 74.

Надежды на то, что «бог переменит Орду», имели под собой реальные основания. После Куликовской битвы Золотая Орда не смогла полностью оправиться от ущерба. А в 1395 г. на нее обрушился новый удар. Могущественный правитель Средней Азии Тимур пошел войной на Тохтамыша. На Тереке войско Тохтамыша было разбито. Тимур страшно опустошил владения Золотой Орды, разрушил ее столицу Сарай (близ Волгограда). Походы ордынцев на русские земли надолго прекратились. Поэтому не удивительно, что новому правителю Золотой Орды Едигею было чрезвычайно трудно добиваться признания своей власти русскими князьями. О том, как сложились в начале XV в. русско-ордынские отношения, видно из грамоты Едигея великому московскому князю Василию Дмитриевичу (1409 г.). Едигей жаловался на невнимание к его послам, на нежелание населения платить дань и уже не требовал, а просил собрать «старые оброки», хотя и грозил разорением. В грамоте упоминались и «тахтамышевы дети», которых великий князь держал у себя (видимо, для давления на золотоордынского хана). Вот текст этого любопытного документа: «От Едигея поклон Василию, да и много поклоню. Как те поклоны придут к тебе, царев ярлык: слышание учинилось таковое, что тахтамышевы дети у тебя, да еще слышание наше, что неправо у тебя чинят в городах, послы царевы (ханские) и купцы из Орды к вам приезжают, а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините: это недобро. А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошланы платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды... Как царь Темир-Котлуй сел на царстве, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя (хана) в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни много кого не присылал, ни сына, ни брата, ни с каким словом. Илтоом Шадибек восемь лет царствовал, и у него ты также не бывал и никого не присылал, и Шадибеково царство также минуло. А ныне Булат-Салтан сел на царство, и уже третий год царствует. Также ты сам не бывал, ни сына, ни брата своего не присылал, ни боярина... И мы улуса твоего сами своими очами не видели, только слухом слышали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то все лгал: что собирал в твоей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы добро, если бы дань была отдана по старине и по правде, тогда бы улусу твоему зла ни учинилось, а крестьяне бы не погибли до конца, и ярости бы и брани нашей на тебя не было ни в чем»⁴⁷. Так писал ордынский правитель великому московскому князю после неожиданного похода на Русь в 1408 г., во время которого ордынцы опустошили значительную территорию, но своей главной цели — восстановить власть Золотой Орды над Русью — не добились.

Решающую роль сыграла успешная оборона Москвы, отбившей набег Едигея. Московский князь Василий Дмитриевич не успел собрать войско для отпора и оставил в Москве «воевод и многое множество народа, а сам с княгиней и с детьми отъехал в Кострому». Москва спешно готовилась к обороне. Были сожжены посады, чтобы враги не могли незаметно подойти к стенам города. Ордынцы, подступив к нему, не осмелились штурмовать каменную твердыню Москвы; по словам летописца, они даже «не смели близ града стоять» из-за сильного обстрела со стен. Окружив Москву, Едигей остановился в Коломенском и «распустил по всей земле воинство». Ордынские отряды разорили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, а «волости и села попленили и пожгли». В Кострому Едигей послал «царевича Бегибердея, да сына своего Якшибея, да князя Сеньтилибея с тридцатью тысячами и четырьмя тысячами избранной рати татар», но они не достигли цели. Не ставалась и Москва. Монголо-татарскому войску предстояла длительная ее осада. Простояв месяц под Москвой, Едигей выговорил себе у москвичей выкуп в 3 тыс. руб. и отступил⁴⁸.

А в Орде тем временем против Едигея выступали «тохтамышевы дети» (у Тохтамыша было 13 сыновей), начались трения между Едигеем и ордынским официальным ханом Тимуром, от имени которого он правил. В борьбу вмешались и другие феодалы. Во время этой смуты Едигей потерял власть в Золотой Орде. В 1419 г. в одной из междоусобиц он погиб. После его смерти подняли голову вожди мелких ордынских улусов, и Золотая Орда, по существу, перестала быть государством с единой центральной властью и распалась на несколько частей. Три хана боролись за власть в прежних золотоордынских землях. По сообщению арабского историка Ал-Айни, «один из них, по имени Даулет-бирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммед-хан, завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка»⁴⁹ (юго-восточная часть Золотой Орды). Впоследствии против Мухаммед-хана (или Улу-Мухаммеда) выступил Сайид-Ахмед. Первый откочевал со своей ордой с низовьев Волги на север, к русским землям, и обосновался на Оке, в районе Белева, а затем перешел в область Нижнего Новгорода. Улу-Мухаммед стал основателем династии казанских ханов и первым правителем Казанского ханства, образовавшегося на территории Волжской Болгарии. Почти одновременно выделился из состава Золотой Орды и Крым, где

⁴⁷ «Собрание государственных грамот и договоров». Ч. 2. М. 1819, стр. 16—17.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XI, стр. 205—209.

⁴⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884, стр. 534.

правил Хаджи-Гирей, основатель династии крымских ханов. Во владениях так называемой «Большой Орды», которая пыталась выступить наследницей золотоордынского государства, оставалась только территория Нижнего Поволжья (примерно от Куйбышева до Астрахани).

Для распада Золотой Орды было характерно не только обособление наиболее развитых областей, но и появление вассальных татарских княжеств: целые орды переходили на службу к московским князьям. Так, в 1446 г. сыновья Улу-Мухаммеда Касим и Юсуф пришли со своими отрядами к великому князю московскому Василию II Васильевичу. Он дал Касиму во владение Городец, или Мещерский городок, лежавший на Оке в Рязанском княжестве (впоследствии этот городок был переименован в Касимов). Касим верно служил Москве, принимая участие в отражении татарских набегов⁵⁰. В этих условиях московские князья, возглавившие всенародную борьбу за свержение иноземного ига, проводили активную политику, направленную на полное освобождение страны от зависимости. Они умело использовали противоречия между разными ханами и заключали союзы с отдельными ордами, видя перед собой конечную цель — полное свержение монголо-татарского ига. В 40—50-х годах XV в. Казанское ханство, находившееся в непосредственной близости от русских границ, организовывало многочисленные грабительские набеги на Русь. Тому благоприятствовала феодальная война, начавшаяся после смерти великого князя Василия I Дмитриевича (1425 г.) и продолжавшаяся несколько десятилетий. В 1439 г. Улу-Мухаммед («Махмут-царь» по русским летописям) «со многими силами безвестно» подступил к Москве. Великий князь Василий II Васильевич не успел собрать войско и ушел за Волгу, а в Москве оставил воеводу, князя Юрия Патрикеевича, «с бесчисленным христиан множеством». Десять дней находился «Махмут-царь» под стенами Москвы, но безуспешно: столица выстояла. Однако татары «много зла учинили земле Русской, идучи назад»: Махмут «множество людей пленил, а иных иссек»⁵¹. Зимой 1445 г. Улу-Мухаммед «приходил ратью к Мурому», но при приближении великокняжеского войска успешно отступил к Белеву. Однако под Белевом действия великокняжеских полков были неудачными. «Многих наших татары побили», — сообщал летописец. Снова татары подступили под Муром, а затем сыновья Улу-Мухаммеда с большим войском двинулись на Москву. Под Суздалем произошла битва. 7 июля татары вброд перешли Нерль. Русские полки выступили им навстречу. Правда, у великого князя «немного было воинства» — всего полторы тысячи, так как удельные князья не подошли со своими дружинами. Татар же было более трех тысяч. И все же русскому войску удалось опрокинуть татарский строй, который начал поспешно отступать. Но когда русские дружины во время преследования расстроили свои ряды, противник неожиданно повернул назад и разгромил великокняжеское войско. Много воевод и русских воинов погибло в сече, а сам великий князь Василий Васильевич, раненный в голову и руку, попал в плен. Татар погибло более 500 человек.

Татарское войско простояло в Суздале три дня, а затем, перейдя Клязьму, подступило к Владимиру. Опасность угрожала и Москве, где к тому же был большой пожар. Москвичи готовились к обороне: «чернь, собравшись, начала прежде ворота городские чинить, а людей, которые хотели бежать из города, ловить, и бить, и ковать». И снова, как это неоднократно случалось раньше, народ, взявший в свои руки дело обороны, исправил положение: смятение в городе улеглось; укрепления, пострадавшие от пожара, были восстановлены. Татары не решились напасть на столицу и отошли к Нижнему Новгороду. Великий князь был отпущен за большой выкуп. В 1448 г. снова «царь казанский Мамутек послал всех князей своих со мною силою воевать отчину великого князя, Владимир и Муром и прочие города». Два года спустя к южным рубежам Московского княжества подступали «татары из поля, Мальбердей, Улан и иные с ними князья со многими татарами». Навстречу им вышли полки «служилого царевича» Касима, а также коломенская рать. Татары были разбиты и бежали⁵².

В 50-е годы значительно активизировались набеги на русские земли хана Большой Орды Сайид-Ахмеда. Видимо, татары старались использовать еще не ликвидированные последствия феодальной усобицы, значительно ослабившей Русь (самый опасный и настойчивый противник великого московского князя, возглавлявший оппозицию, Дмитрий Шемяка, умер в 1453 г.). Но последующие события показали, что крепнувшая Москва смогла наносить все более и более сильные удары по ордынцам. В 1451 г. войско «царевича Мозовши из Седи-Ахматовы орды» перешло Оку и двинулось к Москве. Великий князь уехал за Волгу, поручив оборону столицы своим воеводам. 2 июля татарская орда осадилась в Москву и подождала осады города. Летописец сообщал, что огонь охватил Москву со всех сторон, в городе загорались церкви, а от дыма нельзя было ничего видеть. Однако татары напрасно приступали «ко всем воротам и там, где не было крепости каменной»: ворваться в Москву под прикрытием пожара им не удалось. Когда сгорели посады, москвичи с оружием в руках вышли за стены и бились с татарами до вечера. В сумерках враги отступили от городских стен.

⁵⁰ Подробнее о распаде Золотой Орды см. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950, стр. 406—428.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XI, стр. 30.

⁵² Там же, стр. 62—66, 73, 75—76.

Москвичи начали готовить к следующему дню «пушки и пищали, самострелы и оружие, и щиты, луки и стрелы». Но когда наступило утро, татар под Москвой не оказалось. Они отступили, не предприняв вторичного штурма. В 1455 и 1459 гг. «татары Седи-Ахматовы» снова предпринимали походы на Русскую землю, и опять безуспешно⁵³. В 1465 г. ордынское войско, замыслившее поход на Русь, не прошло дальше Дона.

Новый великий князь московский, Иван III Васильевич (1462—1505 гг.), смог выделить значительные силы для походов уже в земли казанских татар. Летописцы рассказывали о походах туда «служилого царевича» Касима со своими отрядами и русскими воеводами, о боях в черемисских землях и на Вятке, о «рати судовой на Казань». Русское государство переходило в наступление. Казанский хан с трудом оборонял свои владения и просил мира у Ивана III. С середины 60-х годов власть в Большой Орде захватил хан Ахмат, с именем которого была связана последняя попытка татар добиться подчинения Руси. Но эта попытка восстановить ордынскую власть над Русской землей тоже оказалась тщетной. В 1478 г. Русь совершенно прекратила выплату дани в Орду. К последней четверти XV в. на Руси были в основном ликвидированы уделы, а владельцы их стали вассалами московского великого князя, обязанными по его приказу поставлять свои полки. Большинство русских земель объединилось вокруг Москвы. Московская Русь превратилась в богатое и сильное государство. Иван III вел мудрую и дальновидную внешнюю политику, используя сложившуюся в Орде обстановку междоусобной борьбы. Это проявилось при отражении последнего наступления Ахмата на русские земли в 1480 году. С северо-запада Руси угрожал тогда Ливонский орден, с запада — польско-литовский король Казимир IV, заключивший союз с татарами. Но Русь нашла в себе силы, чтобы разрушить планы врагов и окончательно свергнуть монголо-татарское иго.

Ахмат двигался осторожно, ожидая помощи со стороны Казимира IV. При первых же известиях о готовящемся татарском вторжении Иван III выдвинул свои полки к границам. Вдоль Оки встали многие войска: в Тарусе — брат великого князя Андрей Васильевич, в Серпухове — сын великого князя Иван Иванович «и с ним многие воеводы и бесчисленное воинство». Когда же 8 июля пришло известие, что Ахмат пришел к Дону, это войско двинулось к южным рубежам Московского княжества и стало в Коломне. Мероприятия по обороне южной границы оказались действительными: «слышав же окаянный царь Ахмат, что на тех местах на всех, куда прийти ему, стоят против него с великими князьями многие люди, и царь пошел в Литовскую землю, хотя обойти через Угру». Прямое наступление ордынцев на Москву было сорвано, и тогда Иван III произвел перегруппировку своих войск: к берегам Угры, в Калугу, пошли рати как сына великого князя из Серпухова, так и брата его Андрея из Тарусы. Началось знаменитое «стояние» на р. Угре, когда оба войска, русское и татарское, встали друг против друга. Так продолжалось до октября. Ахмат находился у Воротынска, «ожидая к себе королевскую помощь, а король (Казимир IV) сам к нему не пришел и силы своей не послал, потому что были у него свои усобицы, тогда же Менгли-Гирей, царь крымский, воевал королевскую Подольскую землю, дружа великому князю». Вот когда сказались результаты дальновидной внешней политики Ивана III: Казимир IV был связан по рукам и по ногам нападением крымцев на свои владения. Помощи от него Ахмат так и не дождался.

На Угре начались стычки между русскими и татарскими войсками: «татары начали стрелять наших, а наши начали их стрелять из луков и из пищалей, и многих татар побили и от берега отбили, и много дней, сходясь, через реку бились». Наступили сильные морозы, река стала замерзать. Русское войско все увеличивалось: на Угру сходились дружины многих удельных князей. Когда русские отошли с берегов Угры к Боровску, Ахмат расценил это как военный маневр и, не осмелившись форсировать реку, начал поспешное отступление. «Отступили сыновья русские от берега, тогда татары, страхом одержимые, побежали, решив, что если берег отдает им Русь, то значит хочет с ними биться»⁵⁴. Поход Ахмата закончился полной неудачей, хотя заносчивый хан и пробовал представить это событие временным отступлением, отправив великому московскому князю грамоту с требованием дани и угрозами. Но осуществить свои угрозы Ахмат был не в силах. А вскоре на него напал хан Ногайской Орды, и в 1481 г. в битве на берегу Дона Ахмат погиб. Большая Орда окончательно распалась затем на несколько улусов, каждый из которых не мог и думать о новом нашествии на Русь. Сбылись многовековые чаяния народа, не жалевшего ни сил, ни крови для борьбы с завоевателями. Иноземное иго, почти два с половиной столетия давившее на Русь, пало. Таков был закономерный итог борьбы народов Восточной Европы за свободу и независимость родной земли.

⁵³ Там же, стр. 109, 112, 113.

⁵⁴ Там же, стр. 198—203.